Наталья Руф

Родилась в 1952 году. Живёт в Таре. Публиковалась в литературно-краеведческом альманахе «ТарЯнс».

БАБУШКИ – ТОЖЕ ЛЮДИ

Толику было скучно.

Детский сад закрыли на ремонт, и сегодня мама привезла его к бабушке Любе на весь день.

Он побаивался эту бабушку, папину маму. Она раньше работала учительницей, и у неё не побалуешься!

Даже мама называет её «Любовь Васильевна», а его маму Снежану на работе все слушаются.

Толик знает, что бабушка Люба печёт вкусные пироги, особенно нравятся ему с яблоками.

– Бабушка, я хочу твой яблочный пирог!

Бабушка Люба растерянно поглядела на него:

– Толик, а у меня яблочек сегодня нет.

Толик не отступал:

– Пойдём, купим на рынке.

– Внучек, у меня деньги перед пенсией кончились, только завтра получу. Ладно, давай посчитаем, сколько есть, – и высыпала горсть мелочи.

Толику стало интересно, и он выгреб из карманов несколько монет. Бабушка посчитала и улыбнулась:

– У нас с тобой на два яблочка как раз хватит! Шестьдесят четыре рубля.

Пошли.

Только бы мелочь взяли! Не любят продавцы мелкие монеты принимать.

Рынок был небольшой, несколько продавцов. Толик с бабушкой подошли к прилавку с фруктами, за которым скучал огромный дядя с круглым красным лицом и маленькими глазками.

Толик протянул руку к понравившемуся яблоку.

Дядька глянул на него и зарычал:

– Не трогай, если покупать не будешь!

Толик опасливо отдёрнул руку.

Бабушка Люба спросила цену, посчитала в уме, даже не шевеля губами (она же учила детей математике!) и сказала:

– Нам два яблока, – и опустила на весы два небольших яблочка.

Продавец посчитал на калькуляторе и сказал:

– Семьдесят восемь рублей.

Бабушка улыбнулась:

– Вы мне неправильно посчитали, на весах было пятьсот восемьдесят граммов, и, умножив на цену, получим шестьдесят два рубля семьдесят четыре копейки. Округляем до целых рублей – шестьдесят три рубля. У меня как раз столько, рубль убираю.

Бабушка Люба высыпала на тарелочку для денег горсть монет.

Мужчина посмотрел брезгливо на монеты и процедил:

– Уходи, бабка! И мусор свой забирай! – небрежно бросив взвешенные яблоки в общую кучу. – Много вас, учителей, развелось!

И ехидно усмехнулся:

– Если вы такие умные, почему вы такие нищие? Два яблока купить не можете. Убирайся, бабка, по-доброму.

– Так мне яблоки нужны!

– Обойдёшься.

И вдруг Любовь Васильевна, как в классе, произнесла строгим «учительским» голосом:

– Вы почему так со мной разговариваете? Работаете с людьми – будьте вежливы!

Продавец глянул исподлобья на неё, на собравшуюся толпу и прошипел:

– Пошла, бабка, отсюда, это тебе не школа!

Толик возмутился и звонким голосом спросил:

– Дяденька, ты почему так плохо с бабушкой Любой разговариваешь? Ты испугал мою бабушку! Сам даже считать не умеешь! Наверное, плохо в школе учился? Моя бабушка – учительница! Она учила детей считать. Если ты не умеешь, то хорошо её попроси. Она тебя научит! На неё нельзя кричать!

Обернулся за поддержкой к подошедшим людям:

– И на других бабушек нельзя кричать! Бабушки – тоже люди!

Притихшая толпа засмеялась:

– Молодец, мальчик! Заступился за бабушку!

Молодой мужчина спросил Толика:

– Как зовут твою бабушку?

– Любовь Васильевна.

Мужчина сказал почтительно:

– Любовь Васильевна, пойдёмте, купим фрукты у другого продавца.

У соседнего прилавка распорядился:

– Дайте по килограмму яблок, черешни, апельсинов и что у вас там есть.

Любовь Васильевна заволновалась:

– У меня денег только на два яблочка!

– Не беспокойтесь, я оплачу.

– Так я столько не унесу!

– Скажите куда – вас мой водитель на машине увезёт.

– За что мне всё это?

– Любовь Васильевна, вы учительница! Люди должны уважать своих учителей!

Улыбнулся Толику:

– И бабушек тоже.

БРОШЕНКА

Час назад её бросил муж.

Целый час Люба сидит в одной позе на диване, тупо уставившись в пол перед собой.

А куда бежать? Кому жаловаться?

Что делать? Для кого?

Смысл исчез из её жизни.

Позавчера праздновали «серебряную свадьбу», гости поздравляли, желали счастья, кричали «Горько!», и она была счастлива, как девчонка! В восемнадцать лет она полюбила своего Алёшеньку и всегда была довольна жизнью.

А теперь не представляла, как она будет жить без него! Детей им Бог не дал, и всю свою заботу она направляла на любимого мужа. Каждый вечер торопилась с работы, чтоб забежать в магазин и порадовать его чем-то вкусненьким.

В посёлке Люба и Алексей считались красивой парой.

На торжестве были под стать друг другу, оба выше среднего роста, располневшие со временем. Алёша в новом сером костюме, с волнами седеющих волос, на ней сшитое на заказ кремовое платье, красивая причёска.

Все любили бывать в их хлебосольном уютном доме. На праздничный стол она ставила вкусные салаты, пышные пироги, аппетитные хрустящие помидорчики и огурчики. И всё было сделано и выращено её руками с аккуратными ноготками. Это получалось у неё играючи, быстро, ловко, с улыбкой.

На юбилее поздравляющие говорили:

– Самая счастливая пара в нашем посёлке!

Вот тебе и счастье! Стыдно-то как!

Все вокруг знали, что он гулял?!

Слепая от счастья была и ничего не замечала, любила и доверяла.

Но никто словом ей не обмолвился – ни подруги, ни сослуживцы, ни родные! Предатели и вруны!

Наблюдали со стороны, что же дальше между ними будет!

На свадьбе настоящий спектакль устроили, каждый тост – враньё!

А Алёша, опора жизни, её счастье – главный врун и предатель?! Притворялся счастливым женихом и выставил её на всеобщее посмешище!

Она-то была по-настоящему счастлива!

Люба, вдохнув, потёрла рукой затёкшую шею.

В прихожей стукнула дверь. На миг показалось, что ничего не произошло и пришёл Алёша. Легко вскочила – наверное, одумался и вернулся!

Но встретилась глазами с главной сплетницей поселка, тётей Дашей.

– Дай мне соли, пожалуйста.

А сама глазами всё обшаривает вокруг – интересно ей, как же Любовь Павловна теперь себя чувствует!

Люба развела руками:

– У самой кончилась. Вот в магазин собралась.

Только бы скорее она ушла!

Пришлось выпроводить до калитки и закрыть за ней ворота на засов.

Прислонилась спиной к высокому добротному забору.

Вот началось! Теперь главной новостью будет их развод.

Все будут глядеть на неё как на прокажённую.

Анна Сидорова уже лет десять как разведена, а до сих пор называют её «Анна-брошенка».

Она пробормотала:

– Нет, это всё не со мной! Или во сне? Алёша, да как угораздило тебя такую подлость мне сделать, так меня подвести? Ведь в сорок три года начинать поздно, а доживать не с кем.

Скользя спиной по забору, опустилась на землю – кружится голова, свет белый меркнет в глазах!

А трава мягкая, шелковистая, земля нагрелась за день, горячая. Солнышко на покой собралось, да и ей надо спать лечь – утро вечера мудренее.

Зашла в спальню, механически расстелила огромную постель и упала перед ней на колени. Слёзы хлынули рекой – сколько счастливых ночей знала эта кровать! А теперь она одна, одна, одна!

Ревела в голос, пока не заснула – всё равно некому было слушать.

Так и очнулась утром, на ковре подле кровати. Встала, как была, в ночной рубашке, вышла, не умываясь, на крыльцо и уселась на ступеньки.

И что делать дальше? Как жить?

Хорошо, что в отпуске – не нужно идти под любопытными взглядами на работу.

Опять запричитала:

– Ох, Алёша, Алёша! Не будет тебе счастья – так мне плохо! Седина в бороду – бес в ребро!

Надо идти в дом, привести себя в порядок.

При мысли о еде затошнило и стало противно. А заняться-то чем? Пищу готовить не нужно – кормить некого, в доме чисто – сорить некому.

Вышла в огород, везде порядок, только два дня назад грядки прополола, и все растения подвязаны, дорожки ухожены.

Живи и радуйся, да радости нет.

Вспомнила, года два назад начала вышивать полотенце. Теперь время есть.

Вышла во двор, села с рукоделием под кружевную тень от яблони и подумала – так до смерти и будет сидеть здесь, на скамеечке, которую для неё Алёша делал.

Но слёз уже не было.

Прошёл месяц.

Всё это время Люба не выходила за ворота на улицу, никого видеть не хотела. В голове твёрдо созрело решение – жить не хочется и незачем.

Покончить жизнь кровавым самоубийством не решалась, грех великий! Да и противно было даже подумать, как будет обсуждаться это событие.

Она просто ничего не ела, сначала не хотела, а потом уже решила – проживёт, сколько Бог даст! Постепенно чувство голода притупилось и стихло – пила только воду.

Механически выполняла работу по дому и лежала, загорала, как городская. Неимоверная слабость и безразличие абсолютно ко всему на свете царили в её душе.

Сильно похудела, когда-то это была её мечта, а сейчас ничуть не радовало. Ей нравилось полузабытьё и покой, в котором она пребывала. Ни капли волнения о прошлом, настоящем и будущем.

Соседки и подруги пытались навестить, стучались в ворота, всегда закрытые на запор. Люба ни с кем не хотела говорить и отвечала, что занята.

Зато научилась часами созерцать мир вокруг себя во дворе и на огороде. Мир оказался многоликим и интересным, особенно ей нравилось смотреть на растения.

Целомудренные божьи создания. Они никого не пожирали, тихо и мирно качались от прикосновения ветерка и подставляли свои листья-ладошки солнышку, поворачивались за ним и, как только оно начинало садиться, закрывались тоже, до первых его утренних лучиков.

Её распорядок дня был примерно таким же, вечером ложилась спать рано, как исчезал солнечный свет, спокойно спала всю ночь, а на утренней зорьке встречала рассвет. Надевала купальник, подставляя тело солнечному теплу, ложилась прямо в сизую от росы траву и так лежала, греясь на солнце целый день.

Силы покидали её постепенно, а с ними уходили плохие, тревожные мысли. Люба забыла о муже, его измене, и не было острой боли от непоправимой потери. Уже не волновало отношение к ней подруг и односельчан, и было всё равно, что они про неё думают и говорят.

Она закрывала глаза и лежала, подставив лицо солнечному свету, прячась в самый солнцепёк под кружевной полог деревьев. Растения были с ней целыми днями, они не мешали, не лезли в душу, не приставали с глупыми разговорами. Они просто сосуществовали рядом, не внося никакого беспокойства.

Кончается отпуск, месяц пролетел, а она ещё живет и двигается.

Наверное, солнышко даёт силы. Живут же ромашки, клёны, огурцы и сорняки. Особенно сорняки!

Люба удивлялась их жизненной силе, стойкости, возможности производить потомство и приспосабливаться к изменяющимся условиям. Даже на ухоженном огороде с завидным постоянством поднимали голову новые и новые отряды молодых сорняков.

Сегодня утром, поднявшись на зорьке, умылась и по росистой траве побрела в огород. Но захотелось опуститься на землю и просто лежать.

Так и поступила, бросила тяпку и легла на траву. Голова кружиться перестала, в душу пришёл безмятежный покой.

Её тело, непривычно худенькое и тёмно-золотистое от загара, отдыхало.

Солнце поднималось, роса на траве высохла, и Люба почувствовала тепло лучиков, ласкающих кожу.

Казалось, силы вливались через кожу, копились в мышцах, и она опять могла жить. Полежав, поднялась, взяла тяпку и пошла на огород.

Надо же, какие огромные резервы у организма – в течение длительного срока она живёт и ещё занимается посильным трудом.

Правда, эту работу выполняет сейчас просто так, без надобности, скорее по привычке.

Но движение нравится, в движении солнце греет – омывает всё её загорелое тело.

Сколько же она потеряла за это время килограммов – десять, двадцать или больше?

Вдруг почувствовала свою лёгкость, почти невесомость. И это чувство понравилось. Интересно, но сегодня ей всё нравится: и лёгкое тело, и ласка солнечного тепла. С чего бы это?

Наконец-то нет чувства безысходности и потерянности, которое преследовало её последний месяц. Как будто не было предательства её любимого Алёши, без которого она не может жить.

А кто сказал, что без него она не может жить? Живёт же и наслаждается солнышком и красотою мира.

Люба остановилась, оглядываясь вокруг, как будто впервые увидела зелёную рощу за огородом, голубую речку вдалеке и бездонное синее небо над головой. И какова зависимость этого прекрасного мира, который принадлежит только ей, от глупого поведения какого-то мужика?

Ну потянуло его на сладенькое, к молодухе. Наверное, думает, что рядом с ней моложе будет? А того не может понять, что на её фоне он ещё старше выглядит.

Она представила Алёшу, солидного, плотного, седеющего мужчину рядом с тоненькой Алёной, к которой он ушёл, и удивилась – первый раз эта мысль не обожгла острой болью сердце. Ушёл и ушёл. Ей все равно.

Дополола последний рядок, вошла в прохладный дом и с удовольствием огляделась. Это её мир! И он не зависит от капризов какого-то другого человека.

Подошла к зеркалу – стройная, симпатичная женщина. С лишними килограммами ушли мешки под глазами, отёчность. Волосы отросли, глаза открылись и заблестели.

Кожа на лице и теле молодая – молодая и прозрачно сияющая. А фигура – ни одной лишней жиринки, ни одной складочки, как точёная.

Люба не верила своим глазам. И чем дольше она смотрела в зеркало, тем больше ей нравилось собственное отражение.

Жить на свете так прекрасно, а тем более красивой и лёгкой. Хотелось ходить, даже бежать, почувствовав в себе огромный заряд энергии и переполняющую её радость!

А есть абсолютно не хочется, тело полно сил и счастья. Разве что молодой пупырчатый огурчик с грядки?

Удивительный переломный день – день преображения, внутреннего и внешнего! Душа наполнилась миром, блаженством и удивительным чувством единения с окружающей природой, когда каждый кустик и цветок кажутся до боли знакомыми, родными и близкими!

Самый главный сюрприз она получила вечером! На закате, попрощавшись с заходящим солнышком, прилегла спать, хотя была полна сил и энергии. Радость жизни ни на секунду не покидала душу.

Но с телом было что-то не так. Ощущения, которые наполняли его, были абсолютно незнакомы. Люба пыталась понять и вдруг почувствовала чёткий толчок в животе, ещё и ещё раз! Она немного испугалась и затихла в недоумении, прислушиваясь к своему организму.

Движение повторилось, а в голове возникла восхитительная мысль – у неё будет ребёнок?

Ведь она перед празднованием «серебряного юбилея» предполагала беременность, и были все признаки. Но ничего не сказала Алёше, чтобы не разочаровать его, если её предположение не подтвердится. А когда на следующий день он ушёл, не имело смысла говорить об этом и дополнительно унижаться перед ним.

Потом решила покинуть этот мир, и её ничего не интересовало. Но мудрая природа, чтобы спасти новую, невинную жизнь, открыла резервы питания организма.

Люба погладила маленькое существо в своём теле. Оно благодарно успокоилось и затихло. Завтра же к врачу! Вот он, смысл её жизни, вот она – радость и счастье!

Утром Люба набросила нарядный сарафан, подчеркнув талию красивым пояском, и, довольная своим видом, вышла на улицу. Она шла по посёлку, стройная, помолодевшая, пружинистой лёгкой походкой, со счастливой улыбкой и сияющими глазами.

Любопытные односельчане провожали её взглядами и строили сотни предположений, отчего вдруг «затворница» такая счастливая? А её не интересовало ни их мнение, ни любопытство.

Уже через полчаса она вышла из больнички в полной уверенности, что у неё есть долгожданная доченька, которая толкает обеими маленькими ножками свою непутёвую, но такую счастливую маму.

А ещё через час все жители поселка знали, что 43-летняя Любовь Павловна будет скоро мамой, и гадали – что будет теперь делать Алексей Васильевич, останется у Алёны или вернётся к Любови Павловне?

Единственный человек, которого не волновал этот вопрос, была Люба.

Целыми днями она мысленно и вслух общалась со своей крошечной неродившейся доченькой. Пела ей песни, рассказывала сказки на ночь, советовалась, как лучше устроить их дом.

Мир вокруг расцвёл новыми красками, всё в жизни имело смысл, и каждый новый день – повод для радости.

Когда в положенный срок появилась долгожданная доченька, Люба была безмерно счастлива.

Развернула крошечное тельце и внимательно осмотрела ребёнка. Девочка родилась среднего веса, не большой, не маленькой. Ручки, ножки, пальчики и всё остальное в норме, взгляд осмысленный, реагирует на внешние раздражители нормально. Врачи при осмотре тоже не выявили отклонений.

Выписали её на пятый день. Поздравить с цветами и шампанским собрались у роддома подруги и коллеги. Причём женщины

сразу неприязненно отметили для себя, как прекрасно выглядит их ровесница, ставшая первый раз мамой, когда они уже обзавелись внуками.

Её отвезли домой, надарили новорождённой подарков, предложили помощь, от которой Люба отказалась, обидев всех. Ей никто не был нужен, кроме маленькой Алёнушки.

Однажды вечером в дверь постучал Алёша.

Люба спокойно приняла цветы и слушала, как он, опустив глаза, пытался что-то объяснить, сбиваясь и начиная снова.

Она смотрела на этого пожилого тучного мужика и пыталась вспомнить, что это её любимый человек.

Но Алёнушке нужен отец, и поэтому, когда Алексей виновато спросил, можно ли ему вернуться, она ответила утвердительно.

И почти простила, когда он, взяв доченьку на руки, убаюкивал её, напевая колыбельную.

ТЁПЛЫЕ ЛАДОШКИ

– Тётенька, тебя зовут Полисия?

Детский голосок отвлёк меня от тяжёлых мыслей. Оглянувшись, я увидела маленькую бледную девочку, которая улыбалась мне, доверчиво распахнув голубые глаза.

– Моё имя Калерия Владиславовна.

Вот уж имечко у меня!

Ребёнок всё равно не запомнит.

Ладно, какая сама – такое и имя! При моей высокой и тяжеловесной фигуре какое-нибудь цветочное имя, например Лилия, будет смешным.

– А мама сказала, Полисия! Может, это фамилия такая?

Я присела рядом с ней и заглянула в чистые доверчивые глаза:

– Я работаю в полиции! Видишь мою форму?

– А что ты делаешь?

– Дежурю на железнодорожном вокзале.

– Тогда это тебе.

Она протянула измятый листок бумаги, зажатый в худенькой ладошке.

– Мне? Ты ничего не путаешь? Ты же меня не знаешь.

Девочка повторила:

– Мамка меня покормила оладьями и киселём, показала тебя и сказала, что, когда захочу кушать, мне нужно идти к Полисии и отдать бумагу.

И улыбнулась:

– А я чуть не забыла, как тебя зовут. Я никогда не знала такого имени.

И продолжила настойчиво:

– Я хочу оладьи с киселём!

Пришлось взять потрёпанный листок. На оборотной стороне чистого бланка для телеграфного сообщения красным жирным косметическим карандашом неровными пляшущими буквами, без знаков препинания, было написано кое-как по диагонали: «Зовут Надя 5 лет родилась 16 марта отдайте в детдом».

Я оторопела. В свои двадцать пять лет за трёхлетний срок работы в полиции первый раз столкнулась с таким случаем. Переспросила:

– Это точно твоя мама писала?

– Да, моя мамка.

– Что же мне с тобой делать?

Та посмотрела с укоризной:

– Я же тебе сказала – хочу есть!

– Ну что ж, пойдём мыть руки.

Пока девочка с удовольствием ела, я смотрела на неё.

Сидит спокойно, ест и не понимает, что её бросила мать.

Да, видимо, мама не утруждала себя заботой о дочери – спутанные светлые волосы, затёртая джинсовка с чужого плеча на два-три размера больше, несвежий воротничок сорочки, торчащий с одной стороны у худенькой шейки.

Закончив, Надя вытерла салфеткой губы и руки и спросила:

– Что мы будем делать дальше?

– Будем искать твою маму. Сделаем объявление по радио, мама услышит и придёт за тобой.

Надя грустно сказала:

– Она не придёт. Они уехали. Дядя Лёша злился на меня и ругался. А с мамкой дрался.

Бедный ребёнок!

– Ты не знаешь, куда уехали?

Она отрицательно покачала головой.

Объявление по «громкому радио» о потерявшейся девочке гоняли в течение часа.

Но безрезультатно – никто не пришёл. Надя давно уснула на диванчике под моей курткой. Одиннадцать вечера – дежурство закончилось.

Что же делать с девочкой? Решила забрать домой. Водитель дежурки помог донести отяжелевшее тельце до квартиры.

Мама ещё не спала, быстро постелила на кресле и проворно уложила девочку. Надя не проснулась – сильно устала.

Сидя на кухне за чаем, мама спросила:

– Где ты взяла это чудо?

Я поведала ей грустную историю Нади.

Моя добрая мама ужаснулась:

– Неужели бывают такие матери? Бедный ребёнок! Пусть остаётся у нас, пока мать не найдётся. Не может быть, чтобы нормальная женщина в здравом уме просто бросила родное дитя на вокзале.

Утром я проснулась от обычного кошмара, который снился мне уже больше трёх лет. Суть ужаса была всегда одинаковой – я теряла своего новорождённого ребёнка!

А вот варианты этой потери всегда были разные – мы горели в пламени пожара, я упускала крошечное тельце в водовороте реки, на нас нападала огромная собака, я с ребёнком на руках попадала под поезд и так бессчётное количество раз.

Просыпалась я всегда в слезах.

Но сегодня, открыв глаза, в лучах утреннего солнца я увидела под золотившимся ореолом растрепавшихся волос чистые глаза ангела.

Крошечный пальчик убрал слезинку с моей щеки. И тихий шепоток:

– Ты спала и плакала! Полисия, почему ты плачешь? Тебя кто-то обидел?

Потянувшись губами, я поцеловала эти ласковые пальчики и наконец расплакалась наяву. Слёзы были обильные, они вымывали горечь, притаившуюся в моей душе и терзающую меня так долго.

Я снова пережила резанувшую по телу жуткую боль, когда озверевший пьяный хулиган пинал меня тяжёлым ботинком в живот!

И дикую боль души, когда я потом осознала, что ребёнка я потеряла! И теперь у меня детей никогда не будет!

Понять это на двадцать втором году жизни было равносильно смерти.

Тем более что любимый муж Вася всегда мечтал о детях.

Остекленев душой, потеряла Васю.

У него с женой скоро будет ребёнок.

Я никому не позволяла жалеть меня. Даже маме. Она понимала, что помочь ничем не может, и просто жила рядом со мной. А я благодарна ей, что была не одна.

Сейчас я просто лежала и беззвучно плакала с закрытыми глазами, слёзы стекали на сырую подушку.

А на щеках чувствовала ласку тёплых мягких ладошек, едва касающихся моего лица. Это и было то нежное прикосновение, по которому я тосковала!

Потом, выплакав слёзы, почувствовала облегчение.

А тёплые ладошки продолжали растворять мою боль.

Наконец я открыла глаза.

– Полисия, тебе не больно? Ты уже не плачешь?

Я улыбнулась маленькой фее-целительнице:

– Девочка моя, мне с тобой так хорошо!

Её лицо изменилось, как будто выключилось маленькое солнышко в глазах, уголки рта опустились.

Наденька отвернулась и прошептала:

– Ты сейчас посмотрела на меня, как мамка!

Я обняла и прижала беззащитное тельце к себе и не знала, что мне сказать обиженному ребёнку!

Обижена самым дорогим человеком на свете, мамой, которая должна её защищать!

В спальню вошла моя мамочка:

– Вставайте, ленивицы! Солнышко высоко! Завтракать пора. А кому-то и на работу.

Протянула руку девочке:

– Здравствуй, Наденька! Я баба Вера. Ты мне поможешь сегодня? А то я одна не успеваю.

Надя закивала и вмиг спрыгнула с кровати.

Мы умывались в ванной, когда весёлая радостная девочка нечаянно уронила стеклянный флакон, разбившийся вдребезги. И мгновенно маленькое существо сжалось в комочек, втянув голову в худенькие плечики, прикрыв крошечными руками затылок.

Я взяла её на руки, обняла и шептала в маленькое ушко, что ничего страшного не произошло и она мне дороже всего! Её, видимо, били за провинности! Бедный ребёнок!

Мать Нади объявили в розыск, но без особой надежды на успех. Ведь Надя назвала только имя мамы – Тамара, а фамилию и адреса не знала. Отца девочка не помнила, а отчимы менялись.

Я в душе молилась, чтобы Тамару, которой дочь была в тягость, не отыскали! Тогда Наденька осталась бы со мной.

Мне хотелось теперь торопиться домой, где меня ждала не только мама, но и маленькая девочка, которой я была нужна!

Скоро она сроднилась с нами и быстро адаптировалась во дворе, где играла с ребятишками. Вот и сегодня, издали заметив меня, бегом рванулась ко мне:

– Пойдём к моим друзьям!

И представила меня с гордостью:

– Вот моя Лера!

Указала на худенького бледного пацана:

– Это Юрка. Он каждый вечер гуляет с папой после садика. А дядя Серёжа пообещал бабе Вере за мной присматривать, пока она ужин готовит.

И хихикнула:

– Как будто я куда-нибудь от тебя убегу!

Я глянула на дядю Серёжу и задохнулась – красивые густо-синие глаза печально смотрели на меня.

Он улыбнулся:

– Чудесная у вас дочка! Вашей маме стало плохо. Она пошла отдыхать. Не волнуйтесь, мы с сыном гуляем здесь каждый день, и Надюша с нами может играть до ужина.

Мне не хотелось уходить, но я побежала к маме.

Она уже поднялась и хлопотала на кухне:

– Не беспокойся, я в порядке. Надя во дворе с Сергеем. Он живёт с сыном Юрой в соседнем доме. Бывший военный, потерял руку, приехал из госпиталя. Представь, его жена ушла, а сына он ей не отдал. Уж как один с ним управляется? Как он тебе показался?

Я пожала плечами и неопределённо хмыкнула. Не могла же просто признаться, что он мне очень показался!

И рада была, когда услышала приказ:

– Сходи за Надей! Ужинать будем.

Каждый вечер теперь мы с Сергеем до сумерек гуляем, как будто присматривая за детьми.

Я полюбила притихшие городские улицы. Оказывается, под затухающими лучами солнца вечерами можно наслаждаться жизнью, а не только сидеть в кресле в самом тёмном углу комнаты, поджав ноги и жалея себя.

Сергей оказался интересным собеседником и чудесным человеком.

Когда мы с Надей приходим домой, мама понимающе улыбается, глядя на меня. А я не признаюсь, что у меня не только мир и покой, но и счастье в душе!

В день рождения Юры Сергей пригласил нас в детское кафе. Мама немного пококетничала, отказываясь, но Надя её уговорила.

Мы весело провели время, как одна большая семья.

Такой чудесный день!

Вечером Надюша забралась ко мне в кровать и спросила:

– А дядя Серёжа будет драться, если он будет твой муж?

Я смутилась, но ответила:

– Конечно, нет! Но он же не мой муж! Почему ты спрашиваешь?

Поджала губёнки, объясняя:

– Все мамкины мужья дрались!

Подумала секунду и, хихикнув, добавила:

– А дядя Серёжа любит тебя!

Хитро прищурилась:

– Я рассказала ему, какая ты хорошая! Юрка мне завидует, что ты только моя.

Она улеглась на живот и оперлась подбородком на ладошки:

– Лера, а я твоя? Или нет?

Я поцеловала её:

– Конечно, ты моя!

Она прижалась ко мне и уснула.

Прошло полгода.

Мать Нади не объявилась. Я решила удочерить девочку, но оказалось, семья должна быть полной. Где же мне взять мужа? Поговорить с Серёжей?

После работы я, переодевшись в штатское, пошла на прогулку с Надей.

Серёжины синие глаза встретили меня ласковым блеском! Дети играли в детском городке, мы медленно шли по аллее. Осеннее солнышко гладило нас, овевал лёгкий ветерок.

Я не знала, как мне приступить к серьёзному разговору, который наметила заранее. Вдруг он не поймёт меня! Ясно, что я, бездетная, теперь никому не нужна. А мне нужен только штамп в паспорте и его согласие на удочерение. Я и сама с маминой помощью воспитаю Надю.

Наконец решила:

– Серёжа, возьми меня замуж! Я хочу удочерить Надю.

Он удивлённо замер и внимательно посмотрел на меня:

– А я нужен тебе? Однорукий инвалид с ребёнком! Ты красивая, успешная женщина! Я полюбил тебя, но опасался твоего отказа!

Я обмерла! И смущённо забормотала:

– Я тоже с ребёнком! Два сапога пара!

Вдруг призналась в самом главном:

– Серёжа, я тоже люблю тебя, но не могу больше иметь детей!

– У нас с тобой уже есть мальчик и девочка!

Его поцелуй, долгий и нежный, был прерван шёпотом Нади:

– Юрка, ну вот они уже целуются!

Прошло всего полгода с того памятного вечера, когда в мою жизнь вошла маленькая печальная девочка, а всё так счастливо изменилось!

Теперь после работы меня ждёт любимый синеглазый муж Серёжа и двое детей, доченька Надя и сыночек Юра.

Зинаида Субботина

Родилась в 1941 году. Живёт в Таре. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Публиковалась в литературно-краеведческом альманахе «ТарЯнс».

МОЁ ПОЛЕ

На выставке в Тарском художественном музее я увидела картину художника Николая Бабушкина, на которой было изображено созревшее пшеничное поле. На меня нахлынули воспоминания давно минувших лет, когда всё это я видела наяву.

Мне привелось бродить по полевым дорожкам, опушкам леса и узким лесным тропинкам.

Однажды муж, он был комбайнёром, взял меня на жатву. И тогда, сидя в кабине комбайна, я ощутила неописуемый восторг, почудилось, будто я парю над жнивьём. Колыхание колосьев от прикосновения с жаткой представлялось волнами водного пространства, а комбайн – большим кораблём. И я словно плыла по золотой ниве, а душа наполнялась светлой любовью ко всему окружающему. Если бы были у меня крылья, я, кажется, взлетела бы над этим чудесным миром.

Ряды скошенной пшеницы, словно золотые дорожки, разостланы по скошенному полю, радуют взгляд. Светит яркое солнышко. Редкие облака проплывают в серовато-голубом небе, будто птицы собираются в стаи для отлёта в тёплые края.

Колосья отражают отблески солнца. Они упругие, значит, зерно почти созрело. Оболочка его гладкая, золотистая. Кое-где мелькают среди поля отцветающие васильки. Вот перед жаткой вспорхнула перепёлка, полетела над жнивьём и снова спряталась в пшенице.